

лось видеть повсеместно, с жестокостью, неизменно обращавшейся на головы простых и бедных людей, тех, о ком всегда болело ее сердце..

Трофеи битвы при Патэ выглядели весьма внушительно. Оружие, знамена, кони — всему этому не было числа. Казалось, английской армии больше не существует. Весь цвет ее рыцарства был в руках у французов. Господа Толбот, де Скаль, Ричард Спенсер, Фиц Вальтер, лорд Фалькомбридж и многие другие капитаны должны были разделить участь своих полутора тысяч подчиненных и ждать выкупа. Только Джон Фастольф, первым бежавший с поля боя и проявивший невероятную прыть, успел исчезнуть ради того, чтобы на родине потерять все свои отличия и ордена, а в истории покрыть себя несмываемым пятном позора.

Тщеславный герцог Алансонский не мог отказать себе в удовольствии побеседовать с главным пленником — неустрашимым Толботом.

— Предполагали ли вы сегодня утром, — ядовито спросил герцог, — что события могут для вас обернуться подобным образом?

Англичанину не хотелось разговаривать. Он мрачно посмотрел на принца и лишь процедил сквозь зубы:

— Военная фортуна изменчива.

Впрочем, что же еще мог он сказать?..

Победа при Патэ имела почти такой же широкий отклик в стране, как и орлеанская битва.

Снова колокола зазвонили во всех соборах и церквах, снова благословляли Деву, принесшую счастье Франции.

Теперь даже некоторые крупные феодалы, до этого с презрением относившиеся к «буржскому королю», начали колебаться.

Могущественный герцог Бретанский, один из наи-